

ПИСЬМО ПОЗВАЛО В ДОРОГУ

«Мы долго думали, как озвучить наше письмо. Кто предлагал «Спасите наши души», кто — «Спасите искусство», кто — «Кому доверена судьба театра»... В данный момент тринадцать человек на грани ухода из театра. Мы надеемся, что это письмо не останется безрезультатным».

(Из коллективного письма актеров ташкентского молодежного театра «Еш гвардия» в редакцию газеты «Комсомольская правда»).

МЫ ОПОЗДАЛИ: авторы письма в редакцию получили все, чего жаждали. Индивидуальный порок был наказан, коллективная добродетель восторжествовала. Вернее, она торжествовала.

Наши блокноты распухали от записей. Но, казалось, чем мы ближе подходили к истине, тем больше от нее удалялись.

Поначалу все было ясно. Большая группа актеров ташкентского молодежного театра «Еш гвардия» прислала в редакцию жалобу на своего главного режиссера Эргаша Масафаева. Спустя три недели та же группа актеров созвала профсоюзное собрание, на котором большинством голосов было принято решение: «Просить Министерство культуры республики освободить главного режиссера от занимаемой должности».

Через два дня просьба была удовлетворена...

ВОСЕМЬ ЛЕТ назад в Узбекистане был создан первый молодежный театр. Название придумалось сразу: «Еш гвардия» — «Молодая гвардия». И хотя «Еш гвардию» трудно было поначалу назвать театром — один режиссер, он же главный, и четыре актера, — он быстро, очень быстро стал обростать людьми. И людьми порою случайными. Аромат студийности, который благотворно вдыхают многие молодежные коллективы, в ташкентском театре не ощущался вовсе. Но Эргашу Масафаеву уже виделась

очереди у касс, виделось, как его будут окружать талантливые актеры, понимающие его с полуслова. И со временем не в мечтах — наяву пришла радость аншлагов, и радость взаимопонимания, и радость работы по двенадцать часов, и радость первых творческих побед. Все это было. И все ушло.

...Увы, нам не пришлось защищать актеров от деспотизма режиссера. Слово «освободить» в приказе по Министерству культуры Узбекской ССР

должно было автоматически освободить и нас от занятия хлопотным и неблагоприятным делом — разбором театральной склоки. Но после долгих бесед с жалобщиками, после встреч с Э. Масафаевым стало ясно, что дело здесь отнюдь не в закулисной склоке.

КОНФЛИКТ назревал постепенно. Масафаев требовал иногда невозможного, и порой актеры это невозможное делали: отказывались от работы на стороне, сами мастерили декорации, писали афиши, распространяли билеты. Но подвижничества хватило ненадолго. У актера есть семья, у него есть желание сняться в фильме, сыграть в телеспектакле, записаться на радио. А Масафаев жил одним театром и не умел понять, как же это его актеры могут «равняться на пустяки». И здесь из фанатичной любви к театру, преданности своему детищу проросла нетерпимость. «Или театр, или семья!» — требовал он у коллег.

Одержимость его не знала удержу. Ударяясь о стену непонимания, он пытался объяснить какие-то чрезвычайно сложные вещи наглядными примерами «из жизни», призывал в помощь странного свойства ассоциации, наконец,

добивался желаемого... И забывал, мгновенно забывал, какие слова слетали с его губ. Он-то забывал, но те, кому надо было, помнили. Помнили и копили факты.

А факты мало сказать смешны, они — нелепы. «Понимаешь», — объяснял он актрисе, — ты играешь здесь проститутку. Ты должна представить себе ее жизнь, ее работу, чтобы зрители поверили, что ты проститутка». Наверное, Масафаев вел бы себя менее опрометчиво, если

бы знал, что через несколько месяцев эти его слова превратятся в «неопровержимый факт»: «Он назвал меня проституткой!»

Слово в слово, как хорошо затверженную роль, повторяют оппоненты Масафаева одни и те же нелепые обвинения. Свидетели обвинения вариантов не приемлют.

Нет вариантов и в заявлениях, поданных на имя директора театра сразу же после отправки письма в редакцию: «Прошу уволить меня с работы, в коллективе нет творческой атмосферы».

ВОТ ЗДЕСЬ НАМ придется оглянуться на недавнее прошлое, возможно, тогда мы поймем, почему в творческом коллективе нет творческой атмосферы. В личных делах актеров театра мы обнаружили более семидесяти рапортов, докладных и объяснительных записок, протоколов заседаний месткома. Суть документов поистине удручающая: опоздания актеров на репетиции и спектакли, появление в театре в нетрезвом состоянии, неявка на работу без уважительных причин. Так кто же все-таки создавал нетворческую атмосферу в театре — главный режиссер, требовавший железной дисциплины, или его товарищи, не способ-

ные или не желавшие понять, что искусство — это еще и дисциплина? Теперь они клянутся в любви к театру, эти люди, подавшие в один день стандартные заявления об уходе. В разгар сезона, незадолго до гастролей, сознательно ставившие свой театр под жестокий удар, они шли ва-банк, уверенные, что всех не уволят, а неудобного, резкого, непримиримого Масафаева того гляди наконец уберут.

«Убирали» Масафаева слаженно, организованно. На-

ту режиссера. «Я не хочу во всем оправдывать Масафаева. Мне самой с ним было трудно, я не раз плакала, собиралась уходить из театра... Многие в нашем коллективе думают: раз мне с этим режиссером трудно работать, значит, он плохой режиссер. Масафаев сделал из меня актрису, и как много он мог бы дать нашим актерам, если бы они захотели этого».

Не захотели... Мужество, честность, непредвзятость Малики не были поддержаны. С большей страстью, с большей самоотдачей противники Масафаева не играли, наверное, ни в одном спектакле, как на этом, по мнению первого заместителя министра культуры республики Р. Н. Назаровой, заранее отрежиссированном собрании.

Чтобы быть беспристрастными, мы попросили руководителей Министерства культуры, Узбекского театрального общества охарактеризовать Масафаева: разговаривали с народным артистом СССР Шукром Бурхановым, лауреатом премии Ленинского комсомола республики поэтом Абдуллой Ариповым. Мнения единодушны: Масафаев — безусловно, талантливый, ищущий, интересный мыслящий, перспективный молодой режиссер.

Сейчас он работает в Ташкентском ТЮЗе. Как ни тяжело ему, он наверняка испытывает радость, узнав, что несколько человек из созданного им театра считают его своим воспитателем и готовы работать с ним. «Только бы он нас позвал!» — говорят они.

Что ж, за Масафаева можно быть спокойным — у него есть последователи, есть люди, преданные ему, готовые разделить с ним тяготы и радости. Но что же будет с молодежным театром? Одержав сомнительную победу отнюдь не на театральных подмостках, не потерпит ли он поражения в самом главном, ради чего строился и присваивал себе прекрасное имя — молодая гвардия?

**В. НИЯЗМАТОВ,
В. ТУРОВСКИЙ.**

(Наши спец. корр.).

Ташкент.

Мизансцены за кулисами

ценный повесткой дня разбор заявлений сотрудников театра повис в воздухе. Случалось «персональное дело» главного режиссера. В его отсутствие. Пришедший почти к середине собрания, он, как и опоздавшие работники Узбекского театрального общества, долго не мог понять, что, собственно, происходит. И, действительно, как было понять, почему на профсоюзном собрании театра присутствует доцент Ташкентского театрально-художественного института И. В. Радун?.. Еще один свидетель обвинения, специально приглашенный на судилище, он не только выступил с гневной речью, пафос которой заключался в том, что ему стыдно за своего ученика, но и добился того, что Масафаева лишили слова. Слова защиты.

Конечно же, финал собрания можно было предугадать еще в прологе. Инсценировку коллективного ухода вдохновляли, как ни парадоксально, руководители общественных организаций театра — Ю. Хакимов, С. Зиямухамедов, Т. Норматов, то есть люди, призванные сплачивать коллектив. И только секретарь комсомольской организации Малика Ибрагимова осмелилась возвысить голос в за-

«Комсомольская правда», 1976, 7 мая